

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.0

Д.Н. Жаткин, Е.И. Ильязова

**ПОЭМА ДЖОРДЖА КРАББА «ПРИХОДСКИЕ СПИСКИ»
В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ Д.Е. МИНА**

Впервые анализируется восприятие обычаев и традиций провинциальной английской жизни известным русским переводчиком Д.Е. Мином, осуществившим во второй половине 1850-х гг. интерпретацию отдельных фрагментов поэмы Джорджа Крабба «Приходские списки» («The Parish Register», 1807). Мин практически полностью подчинил свою деятельность задаче максимально скрупулезного и точного воссоздания особенностей английского оригинала, что дало возможность судить как о значительных достоинствах произведения Крабба, так и о его недостатках, прежде всего, излишней склонности английского автора к наставительности и морализаторству.

Ключевые слова: Дж. Крабб, образы английского мира, русско-английские литературные и историко-культурные связи, поэзия, художественный перевод.

Одним из наиболее известных произведений Дж. Крабба является поэма «Приходские списки» («The Parish Register», 1807), развивающая тему ранней поэмы «Деревня» («The Village», 1783), созданной как своеобразный протест против сентиментальной и идиллической картины сельской жизни, представленной в элегической поэме Оливера Голдсмита «Покинутая деревня» («The Deserted Village», 1770). Подобно другим пасторальным поэтам, Голдсмит следовал принципам английских критиков XVIII в. и изображал спокойствие деревенской жизни, скрадывая ее серость, представлял простоту благодушных аркадских пастушков, скрывая нищету и убожество быта. Крабб, напротив, считал, что «ложь остается ложью, если даже она выражена красивым языком и украшена рифмами» [1. С. 83], и при этом был уверен, что если писатель хочет описывать жизнь, то он должен видеть и изображать вещи такими, каковы они на самом деле. Опираясь на личные наблюдения, поэт-священник правдиво «представлял реальную жизнь тех крестьян, среди которых он жил и с которыми ежедневно сталкивался» [1. С. 83].

Крабб стал для английской литературы тем же, чем был для английской живописи Уильям Хогарт, создавший в 1730–1750-е гг. серии картин и гравюр «Карьера проститутки», «Карьера мота», «Модный брак», «Прилежание и леность», «Выборы», знаменитые гравюры «Переулок джина» и «Пивная улица», многогранно, без сентиментальности и с неизменным юмором показавшие правду повседневной жизни представителей разных социальных слоев, в которой, наряду с добродетелью и радостями, встречались и пороки, житейские грубости, природные уродства. Наряду с Хогартом Крабб предвосхитил характерные мотивы необустроенности бытия, отчетливо выраженные в творчестве писателей последующего поколения – в «Оливере Твисте» («Oliver Twist», 1838) Чарльза Диккенса, «Авроре Ли» («Aurora Leigh», 1857) Элизабет Браунинг, «Адаме Биде» («Adam Bede», 1859) Джордж Элиот.

Поэма «Приходские списки» впервые в творчестве Крабба практически полностью совмещает фигуры автора и рассказчика. Сюжетная канва произведения незатейлива: сельский священник просматривает учетную книгу своего прихода и вспоминает совершенные им обряды крещения, венчания и погребения, при этом в его сознании радости перемежаются с несчастьями, а обретения – с потерями. Как и вся поэзия Крабба, «Приходские списки» носят отчетливо выраженный нравоучительный характер, в частности несчастья объясняются неконтролируемыми страстями, слабостями характера, отсутствием благоразумия, умеренности и самоконтроля, необходимых и в трудах мирских, и в делах духовных. Однако предостерегая Крабб в то же время сопереживает грехопадению и страданию людей, более того, благодаря своему знанию человеческой психологии добивается сочувствующего понимания в любой жизненной ситуации.

Из трех частей поэмы Крабба первая была посвящена рождению и крещению детей, вторая – свадебным торжествам, третья – погребению усопших. Обратившись в 1856–1860 гг. к переводу первой части поэмы, Д.Е. Мин отчетливо отделил ее от введения, превратил эпиграф к произведению, взятый Краббом из философской поэмы Лукреция «De Rerum Natura» («О природе вещей», V, 223), в эпиграф к первой части поэмы, получившей название «Новорожденные»: «Tum porro puer (ut saevis projectus ab undis, / Navita) nudus humi jacet infans indigus omni / Vitali auxilio, – / Vagituque locum lugubri complet, ut aequum est, / Cui tantum in vita restat transire malorum» [2. С. 12] [Вот и младенец (подобно моряку, выброшенный / Жестокой бурей на берег) лежит на земле, нагой, / Бессловесный – / Его жалобный плач раздается кругом, да и как ему не жаловаться, / Когда ему предстоит испытать при жизни столько злоключений?]. При этом эпиграф был дан Мином исключительно на латыни, без русского (хотя бы и подстрочного) перевода и без указания на источник заимствования.

Публикация «Приходских списков» в переводе Д.Е. Мина, осуществлявшаяся в 1856, 1857 и 1860 гг. «Русским вестником» [3. С. 440–446; 4. С. 134–142; 5. С. 191–196], отражала сущность самого издания, которое в первые годы своего существования (1856–1860) выражало приверженность либеральным ценностям и реформам, печатало «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина, публицистические очерки С.С. Громеки, произведения П.И. Мельникова-Печерского и Марко Вовчок. Только с обострением идеологической борьбы после крестьянской реформы 1861 г. журнал перешел на консервативно-державнические позиции, стал публиковать произведения антинигилистической направленности (такие, как диалогия В.В. Крестовского «Панургово стадо» и «Две силы»), сочинения К.Н. Леонтьева, К.П. Победоносцева, Е.М. Феоктистова и др.

О том, что Крабб, несмотря на появление в «Современнике» пространного цикла статей А.В. Дружинина, не принадлежал к числу авторов, хорошо известных русскому читателю, свидетельствовало примечание, предварявшее публикацию «Русского вестника». В примечании содержались не только общие сведения о жизни и творчестве Крабба (годы жизни, названия основных произведений), но и оценочные суждения, помогавшие понять как специфику восприятия Крабба в России в канун крестьянской реформы, так и причины,

побудившие Мина воспринимать Крабба в качестве автора, творчество которого актуально в новых исторических условиях для русского читателя: «<Крабб –> один из отличнейших английских поэтов XIX века. Будучи сельским священником, он с особенною любовью изучал быт самого бедного класса людей и ему-то преимущественно посвящал свою лиру, почему и получил в Англии название «поэта бедных». Отличительные черты его поэзии – простота, пафос, сила и верность описываемых характеров» [3. С. 440].

Внутри перевода Мин выделил либо дополнительным отступом, либо разбивочной чертой, либо отступом и красной строкой фрагменты, представляющие собой отдельные истории или тематические блоки, соответствующие представленному Краббом в начале введения («The Argument» («Основная идея») и в начале первой главы («Baptisms» («Обряды крещения») краткому содержанию всего дальнейшего описания. Во введении Крабб условно вычленил пять эпизодов: характеристику приходской учетной книги как содержащей преимущественно записи о бедных («the Village Register considered, as containing principally the Annals of the Poor»); описание положения крестьянства, существенно улучшаемого бережливостью и трудолюбием, на примере воссоздания атмосферы быта крестьянина-сибарита, украсившего свой убогий дом картинами и портретами царей и принесшего в дом множество книг («State of the Peasantry as meliorated by Frugality and Industry – The Cottage of an industrious Peasant; its Ornaments – Prints and Books»); воссоздание облика сада, приносившего радость трудолюбивому крестьянину («the Garden; its Satisfactions»); размышления о положении расточительных и порочных бедняков, описание улицы с их домами, отдельная характеристика одного из жилищ и особенностей использования расположенного при нем сада, рассказ об игроках, деревенских жуликах («The State of the Poor, when improvident and vicious – The Row or Street, and its Inhabitants – The Dwellings of one of these – A Public House – Garden and its Appendages – Gamesters; rustic Sharpers &c.»); заключительные мысли («Conclusion of the Introductory Part») (см.: [2. С. 12]).

Первая часть поэмы условно была поделена Краббом на двенадцать значимых эпизодов: сопровождающее крещение ребенка повествование о несчастьях его матери, дочери мельника («the Child of the Miller's Daughter, and Relation of her Misfortune»); история бережливой пары, преподносимая с акцентировкой внимания на сущности ее бережливости («A frugal Couple; their Kind of Frugality»); случай с рождением внебрачного ребенка, просьбы и молитвы его матери («Plea of the Mother of a natural Child; her Churching»); портрет большой семьи Джерарда Аблетта, сравнение положения ее главы и богатого фермера, беспокойство старика за наследника, зависть к одному со стороны многих, характеристики бакалейщика Докинса и его друга, имевших разные поводы для разочарования («Large Family of Gerard Ablett; his apprehensions; Comparison between his state and that of the wealthy Farmer his Master; his Consolation – An Old Man's Anxiety for an Heir; the Jealousy of another on having many – Characters of the Grocer Dawkins and his Friend; their different Kinds of Disappointment»); упоминание о трех бедняках, пришедших в церковь дать имена своим детям («Three Infants named»); история о девочке-сироте и сельской школьной учительнице («An Orphan Girl and Village School-mistress»); образ ребенка садовника на фоне педантизма и тщеславия

его отца, разглагольствовавшего на ботанические темы, в том числе о методе формирования завязей плодов огурцов («Gardener's Child; Pedantry and Conceit of the Father; his botanical Discourse; Method of fixing the Embryo-fruit of Cucumbers»); рассуждение об абсурдном влиянии деревенского тщеславия, наблюдаемом в именах крестьянских детей («Absurd Effects of Rustic Vanity, observed in the names of their Children»); подкидыш, спор о нем на собрании прихожан, образ сэра Ричарда Мондея («Relation of the Vestry Debate on a Foundling; Sir Richard Monday»); соотнесение рождения детей у Финча, Френча и Миддльгалла и судьбы несчастного фермера Барнаби («Children of various Inhabitants – The poor Farmer»); рассказ о детях распутника, а также о его характере и судьбе («Children of a Profligate; his Character and Fate»); заключение («Conclusion») (см.: [2. С. 12]).

Как видим, повествовательная поэма Крабба была лишена сюжетного действия, что и потребовало краткого представления эпизодов дальнейшего описания в начале каждой из глав. Отказавшись от подобного аннотирования, Мин вместе с тем четко выдержал избранную Краббом линию развития художественного повествования, допустив лишь незначительные отклонения, обусловленные особенностями избранного материала. Во введении русский переводчик выделил из характеристики приходской учетной книги отдельный фрагмент, посвященный критике Оливера Голдсмита; отдельным фрагментом также стало противопоставление трудолюбивых и праздных мужичков перед итоговой мыслью о группе портретов как основе описания в основной части произведения. В конечном итоге введение состояло у Мина не из пяти, а из семи фрагментов, а первая глава – не из двенадцати, а из четырнадцати, причем последнее было достигнуто за счет разделения эпизода, содержащего спор о подкидыше и портрет Ричарда Мондея, на три фрагмента. Некоторая трансформация структуры текста, осуществленная Мином, не только не нарушила логики повествования, но, напротив, помогла организовать для русского читателя более четкое воспроизведение сочинения Крабба, каждая законченная мысль которого оказалась выделенной отдельным абзацем.

Развивая идеи «Деревни» в духе усиления близости описания реальным событиям окружающего мира, Крабб решительно отвергал пасторальное представление о деревне как о «земле любви, свободы и непринужденности» («A land of love, of liberty, and ease» [2. С. 12]), характерное для творчества Оливера Голдсмита и его единомышленников: «Vain search for scenes like these! no view appears, / By sighs unruffled or unstain'd by tears; / Since vice the world subdued and waters drown'd, / Auburn and Eden can no more be found» [2. С. 12]. В интерпретации русского переводчика идеальный мир был представлен несколько иначе, с использованием романтического мотива устремленных к мечте сновидений творца, упоминанием о мире, счастье и тишине взамен названных в английском оригинале любви и непринужденности («Где край, куда певцов влекут живые сны, / Край мира, счастья, свободы, тишины» [3. С. 440]); реальный мир, напротив, раскрыт максимально близко к оригиналу, при этом незначительным упущением переводчика можно считать разве что пропуск разъяснений значимой мысли о безграничном господстве порока, «подавившего мир и затопившего воды» («the world subdued and

waters drown'd): «Зачем искать? Куда не устремлю глаза – / Там вздох волнует грудь, здесь взор слепит слеза! / С тех пор, как стал порок господствовать на воле, / Оборн, святой Эдем не существует боле» [3. С. 440–441].

При характеристике значения книг в жизни добродетельных поселян Мин заменяет идиоматический оборот оригинала «мясо для каждого ума» («meat for every mind») более привычным русскому восприятию сравнением знаний с «напитком <...> для утоления жажды»: «Learning we lack, not books, but have a kind / For all our wants, a meat for every mind» [2. С. 14] – «Нам нужны знания, не книги; впрочем, каждый / Найдет напиток здесь для утоления жажды» [3. С. 441]. Среди книг, расположенных на полках в жилище бедняка, Крабб с особым трепетом описывает Библию, что подчеркнуто использованием анафоры «Has choicest prints by <...> / Has choicest notes by <...>» («Содержит наилучшие иллюстрации <...> / Содержит наилучшие примечания <...>»), а также акцентировкой внимания на лексеме «famous» («известный»), призванной отметить обстоятельства обращения к великой Книге книг лучших умов (комментаторов, исследователей) и лучших рук (граверов, живописцев): «That Bible, bought by sixpence weekly saved, / Has choicest prints by famous hands engraved; / Has choicest notes by many a famous head, / Such as to doubt have rustic readers led; / Have made them stop to reason WHY? and HOW? / And, where they once agreed, to cavil now» [2. С. 14]. В отличие от Крабба Мин не испытывает преклонения перед священной книгой, а потому при сохранении не только общего смысла, но и большинства художественных деталей происходит существенная нивелировка характерной возвышенности изложения, вместо синтагмы «известных умов» используется шутивное «голов <...> ученых», а вместо книжного «к сомнению <...> привели» – разговорное «затмевая ум»: «А Библия, ценой в шесть пенсов, снабжена / Отличных мастеров гравюрами, полна / И толкованьями голов людей ученых, / Что, затмевая ум читателей смысленых, / Велят им спрашивать и как? и почему? / И сомневаться там, где верили всему» [3. С. 442].

Особую сложность для перевода имел тот фрагмент описания, в котором сообщалось о сборниках сказок, имевшихся в доме добродетельного поселянина. Вслед за автором упоминая известных всему английскому народу сказочных героев – Тома Томба (Мальчик с пальчик) и храброго Джака, победившего великанов и чудовищ, Мин значительно русифицировал описание, заменяя волшебные предметы английского фольклора, такие как «ботинки быстроты» («shoes of swiftness»), «покрывало темноты» («coat of darkness»), «меч остроты» («sword of sharpness»), русскими «сапогами-скороходами», «плащом-невидимкой» и «мечом-кладенцом»: «His shoes of swiftness on his feet he placed; / His coat of darkness on his loins he braced; / His sword of sharpness in his hand he took, / And off the heads of doughty giants stroke» [2. С. 15] – «Как скороходами он ноги обувал, / Как невидимку-плащ на плечи надевал, / Как меч он кладенец брал в руки и ударом / С гигантов головы срубал в сраженьи яром» [3. С. 442–443]. При переводе строк «Their glaring eyes beheld no mortal near; / No sound of feet alarm'd the drowsy ear; / No English blood their Pagan sense could smell, / But heads dropt headlong, wondering why they fell» [2. С. 15] Мин использовал анафору («Как <...> взор <...> / Как <...> шум <...> / Как дух <...> / И как <...>»), заменил «свирепые глаза» («glaring eyes») «ог-

ненным взором», а выражение «английская кровь» («English blood») – «английским духом», причем последнее несколько режет слух, представляя собой оборот, искусственно созданный по аналогии с нестандартизованным словосочетанием русского языка «русский дух»: «Как огненный их взор не выдвигал людей, / Как был противен шум для сонных их ушей, / Как дух им английский казался нестерпимым / И как истреблены мечом неотразимым» [3. С. 443].

Чтобы показать значимость огорода в жизни поселян, Крабб использовал прием инверсии, поставив в начало обстоятельство образа действия, на которое к тому же падает и фразовое ударение (например, «High climb his pulse...» («Высоко поднимаются его бобовые...»), «Deep strike the ponderous roots...» («Глубоко уходят тяжелые корни...»). Нарушение строго установленного порядка слов в английском предложении не только переакцентирует внимание с незатейливых растений на их эмоционально-приподнятое восприятие, но и придает описанию неповторимую выразительность: «Here grow the humble cives, and, hard by them, / The leek with crown globose and reedy stem; / High climb his pulse in many an even row, / Deep strike the ponderous roots in soil below; / And herbs of potent smell and pungent taste, / Give a warm relish to the night's repast. / Apples and cherries grafted by his hand, / And cluster'd nuts for neighbouring market stand» [2. С. 16]. В своем переводе Мин, по сути, отказывается от приема инверсии, эффект которого существенно снижается ввиду свободного порядка слов в русском языке и невозможности посредством перестановки слов достичь существенной переакцентировки читательского внимания. Сохраняя единое пространство переводного текста, Мин вновь использует анафору: «Там <...> горох, бобы <...> / <...> / Там запах пряных трав <...> / <...> / Там вишни, яблони...». В содержательном плане переводчиком снято имеющееся у Крабба описание лука-порей с «коронай шаровидной и стройным стеблем» («crown globose and reedy stem»), добавлено упоминание о шестах, по которым вьется горох, корни бобовых характеризуются не как «тяжелые» («ponderous»), а как «ветвистые», наконец, среди того, что выращивается крестьянином для продажи, наряду с орехами русским переводчиком названы оливки: «В саду он сажит лук, а рядом с ним чеснок / На дудчатом стебле подымлет свой венчик; / Там вьются по шестам горох, бобы рядами / И в землю роются ветвистыми корнями; / Там запах пряных трав разлит во всем углу – / Приправа вкусная вечернему столу; / Там вишни, яблони – его руки прививки, / Для рынка ближнего орехи и оливки» [3. С. 443]. Если в английском оригинале среди цветов, растущих за тростниковым забором в саду крестьянина-сибарита, упомянуты гвоздики «с фиолетовыми глазами» («with purple eyes»), гиацинты, тюльпаны и примула («The reed-fence rises round some fav'rite spot; / Where rich carnations, pinks with purple eyes, / Proud hyacinths, the least some florist's prize, / Tulips tall-stemm'd and pounced auriculas rise» [2. С. 16]), то в переводе Мина изменен цвет гвоздик («гвоздики с алым оком»), примула опущена, вместо нее появляются «розы пышные» и нарцисс, а сам сад назван «милым уголком с красивой городьбой»: «Есть милый уголок с красивой городьбой, / Где розы пышные, гвоздики с алым оком, / Где гордый гиацинт, где на стебле высоком / Красуется тюльпан, раскинулся нарцисс» [3. С. 443].

Светлую и радостную картину жизни трудолюбивых и добродетельных поселян сменяет описание грязного, мерзкого существования обитателей улицы. При интерпретации фрагмента поэмы, представляющего читателям образ сивиллы (прорицательницы), воплощающей в себе все пороки бытия, Мин оказался более выразителен, нежели автор английского оригинала, за счет придания описанию экспрессии, использования более разнообразных и ярких определений при характеристике героини: «зловещая», «седая», «грозная», «бесчестных дел бесчестная опора», «невольница толпы презренной», «беднейшая из всех» вместо «*mistress of worthless arts*» («хозяйка ничего не стоящих искусств»), «*slave to the tribe*» («раба племени») и «*poorer than the poorest maid*» («беднее, чем самая бедная девица»): «*And here is one, the Sibyl of the Row, / Who knows all secrets, or affects to know. / Seeking their fate, to her the simple run, / To her the guilty, theirs awhile to shun; / Mistress of worthless arts, depraved in will, / Her care unblest and unrepaid her skill, / Slave to the tribe, to whose command she stoops, / And poorer than the poorest maid she dupes*» [2. С. 17] – «И вот одна из них, зловещая, седая, / Сивилла грозная, все знает тайны края. / К ней жребий свой узнать приходит простачок, / У ней спасенья ждет злодейство и порок; / Сама ж, бесчестных дел бесчестная опора, / За все труды свои находит мзду позора, – / Невольница толпы презренной, где она, / Беднейшая из всех, господствует одна» [3. С. 444]. Обращает на себя внимание упоминание Краббом двух посетителей предсказательницы – простака («*simple*») и виновного («*guilty*»), тогда как Мин говорит только о простаке, – вместо виновного в его переводе названы абстрактные злодейство и порок.

Особую значимость в поэме Крабба имеет фрагмент, содержащий сопоставление образа жизни добродетельного крестьянина и представителей социального дна, – если у первого есть орудия производства (колеса для шерсти и льна), то у вторых – только шулерские колоды карт; если первый строго следит за временем, то для вторых оно не имеет никакого значения; наконец, если у первого в доме есть книги – Библия, сборники народных сказок и др., то у вторых все ограничивается текстами не всегда приличных баллад, прибитыми к стене: «*Here are no wheels for either wool or flax, / But packs of cards – made up of sundry packs; / Here is no clock, nor will they turn the glass, / And see how swift th' important moments pass; / Here are no books, but ballads on the wall, / Are some abusive, and indecent all*» [2. С. 18–19]. Сохраняя краббовские особенности подачи материала (в том числе фигуры речи – анафору «*Here...*» («Здесь...»), инверсию), общую тональность изложения, Мин привносит в художественное описание большую четкость мысли, концентрирует внимание на общественной пользе, в частности конкретно говорит, что представители социального дна не задействованы в созидательном труде («не слышен шум работ», «время быстрое без пользы убегает»), не приобщены к достижениям мировой литературы и культуры (если баллады, висящие на стенах, в оригинале охарактеризованы как «оскорбительные, <...> неприличные» («*abusive, <...> indecent*»), то у Мина намного жестче – как «гнусные» и как «пасквили»): «Здесь самопрялок нет, не слышен шум работ, / Но есть колоды карт из шулерских колод; / Здесь даже нет часов: никто не замечает, / Как время быстрое без пользы убегает; / Здесь не ищите книг: прибиты здесь к стене / Баллады гнусные, да пасквили одни» [3. С. 445].

Подводя итог своим размышлениям, Крабб в финале введения проводил четкую грань между добродетельностью и порочностью крестьянства, причем видел порочность не только в нарушении закона, но и в неконтролируемых страстях, разрушающих жизнь людей: «Such are our Peasants, those to whom we yield / Praise with relief, the fathers of the field; / And these who take from our reluctant hands / What Burn advises or the Bench commands» [2. С. 20]. В переводе Мина противопоставление сохраняется, однако в духе новой исторической эпохи внимание концентрируется не на буйстве страстей и чувств, а на вызывающей неприятие праздности, отсутствии тяги к труду: «Вот наши мужички: одни, владельцы поля, / Живут и трудятся – и их завидна доля; / Другие праздностью, презрением труда / Заслуживают месть законов и суда» [3. С. 446].

Пространный ряд портретов первой части поэмы открывает история покинутой дочери богатого мельника Люси, потрясающая трагизмом, несправедливостью судьбы, безграничностью жестокости по отношению к самым близким людям. Основную причину происшедшей трагедии Крабб усматривает в гордыне мельника, кичившегося своим богатством, причем не только деньгами, прельстившими моряка, но и красавицей-дочерью. Если в английском оригинале рождение ребенка Люси и моряка воспринимается исключительно как последствие бесчестья и стыда («A Child of Shame, – stern Justice adds, of Sin» [2. С. 20]), то в интерпретации Мина речь идет о греховной страсти, подразумевающей наличие у Люси искренних чувств: «Плод страсти – и греха», прибавит строгий суд» [4. С. 134].

Крабб отмечал твердую решимость моряка покорить девушку и его воинственный настрой по отношению к мельнику, символически упоминая о дубе, самом прочном материале, из которого сделан фрегат, на котором приплыл юноша («Stretch'd all his sail, nor thought of pause or plan: / His trusty staff in his bold hand he took, / Like him and like his frigate, heart of oak» [2. С. 20–21]); Мин подспудно подчеркивал некоторую жесткость, грубоватость, неотесанность героя и при этом превращал название материала, из которого был построен фрегат, в название самого корабля: «Он к делу приступил, все поднял паруса / И в руку палку взял, обтесанную грубо, / Но крепкую, как сам фрегат его: *Грудь дуба*» [4. С. 135]. Если Крабб при описании внешности моряка делал акцент на аккуратности, не дававшей малейшего повода сомневаться в чистоте его намерений («Fresh were his features, his attire was new; / Clean was his linen, and his jacket blue: / Of finest jean his trousers, tight and trim, / Brush'd the large buckle at the silver rim» [2. С. 21]), то Мин представлял щеголя, тем самым словно предупреждая читателя об отсутствии у моряка подлинного чувства: «Пригож лицом, наряд имел он щегольской: / Опрятное белье под курткой голубой, / Штаны из дорогой материи в обтяжку, / Вкруг пояса ремень с серебряною пряжкой» [4. С. 135].

При переводе стихов об обращении мельника со своей дочерью, воспринимаемом со слов последней («To me a master's stern regard is shown, / I'm like his steed, prized highly as his own; / Stroked but corrected, threatened when supplied, / His slave and boast, his victim and his pride» [2. С. 21]), Мин опустил ряд весомых определений – «его собственность» («his own»), «его раб» («his slave»), «предмет для хвастовства» («boast»), показывавших абсолютное гос-

подство отца над девушкой и уравнивавших ее с вещью: «Меня готов всегда журить он без вины; / Как лошадыю своей, которой нет цены, / Которую он бьет и думает, что учит, / Гордится мною он, зато как жертву мучит» [4. С. 135]. Тем не менее основополагающее для данного эпизода унижительное сравнение девушки с лошадыю в полной мере сохранено переводчиком.

В поэме Крабба моряк излишне усердствует в своем стремлении доказать мельнику, что является достойной партией для его дочери: «The Miller cannot be the Sailor's foe; / Both live by Heaven's free gale, that plays aloud / In the stretch'd canvass and the piping shroud; / The rush of winds, the flapping sails above, / And rattling planks within, are sounds we love; / Calms are our dread; when tempests plough the deep, / We take a reef, and to the rocking sleep» [2. С. 21]. Многословный монолог краббовского героя опирается на тезис о ветре, роднящем моряка и мельника, дающем им (в противоположность штилю) работу и уверенность в завтрашнем дне, однако очень быстро переходит из соотносительной в сугубо морскую плоскость, наполняется терминологией («canvass» («парусина»), «shroud» («вант»), «sails» («паруса»), «calms» («штиль»), «rocking» («качка»), превращающей всю речь в бахвальство и самолюбование. В интерпретации Мина монолог матроса выглядит более логичным, в частности, появляется упоминание о мельнице, по крыльям которой бьет ветер, утрачивается большая часть морских терминов, что в конечном итоге избавляет речь от ощущения самодовольного хвастовства героя: «С матросом может ли быть мельник не в ладу? / Ведь оба мы живем свободным ветром, бьющим / По крыльям мельницы и в парусах ревушим! / Вой ветра, хлопанье холстины у кормы / И треск досок – вот звук, который любим мы. / Штиль страшен нам: когда от бури злится море, / Мы смело риф берем и спим, забывши горе» [4. С. 135]. Слова, брошенные моряком в ярости после получения отказа, звучат в русском переводе скорее как оскорбление, нежели как угроза, ср.: «Revenge! revenge!» the angry lover cried» [2. С. 22] – «– «Молчи ж ты, старый хрыч!» – вскричал моряк взбешенный» [4. С. 136].

Переводчиком иначе расставлены акценты во фрагменте, описывающем падение девушки. Если у Крабба основной причиной прелюбодеяния становилось всеохватное стремление спастись от «дикой власти» («savage power») отца, вселявшей безмерный страх («Till the fond damsel, pleased with lad so trim, / Awed by her parent, and enticed by him, / Her lovely form from savage power to save, / Gave – not her hand – but all she could she gave» [2. С. 22]), то у русского переводчика девушка оказалась склонена к порочной связи безумным порывом «дикой страсти» к красавцу-моряку: «Тогда-то бедная, в порыве дикой страсти, / Безумно, вопреки отцовской строгой власти, / Не руку – нет, но все, что лишь отдать могла, / Красавцу милому навеки отдала» [4. С. 136].

Приближая трагическую развязку действия, Крабб прибегает к отвлеченному описанию и, концентрируясь на последовательности событий, четко обозначенной наречиями «first» («сначала»), «then» («затем»), «next» («потом»), показывает сменяющие друг друга проявления общественного восприятия происшедшего – «шущукающие сплетни» («whispering gossips»), «более громкий скандал» («louder Scandal»), «болтливую глупость» («babbling Folly»), «деятельную злобу» («busy Malice»): «First, whispering gossips were in

parties seen, / Then louder Scandal walk'd the village – green; / Next babbling Folly told the growing ill, / And busy Malice dropp'd it at the mill» [2. С. 22]. У Мина четкая последовательность действий нарушена, – от всех последующих событий отделено только «шушуканье <...> кумушек» («Сперва шушуканье меж кумушек прошло» [4. С. 136]), вслед за которым в едином контексте следует ряд действий, перечисленных с использованием анафоры «Там <...> / Там <...> / И там Там <...>» («Там выше голову злоречье подняло, / Там глупость наглая пред всеми проболталась, / А там на мельницу и злость с молвой примчалась» [4. С. 136]). Переводчик отказался от использования значимых для английского оригинала определений, значительно усилив роль олицетворения абстрактных явлений: «whispering gossips» («шушуканье сплетни») – «шушуканье <...> прошло», «louder Scandal walk'd» («более громкий скандал прошел») – «выше голову злоречье подняло», «babbling Folly told» («болтливая глупость сказала») – «глупость наглая <...> проболталась», «busy Malice dropp'd» («деятельная злоба бросила») – «злость с молвой примчалась».

Узнав о грехе дочери, жестокий мельник обрушивает на нее свои проклятия, желает ей «раздора и смятения» («strife and confusion»), «нужды и плачущего надоедливового ребенка» («want and a wailing brat»), причем его речь звучит спокойно, лишена пафосности, что дополнительно подчеркивает суровость героя, чуждого сострадания и прощения: «Go! to thy curse and mine,» the Father said, / «Strife and confusion stalk around thy bed; / Want and a wailing brat thy portion be, / Plague to thy fondness, as thy fault to me; – / Where skulks the villain?» – «On the ocean wide / My William seeks a portion for his bride.» – / «Vain be his search; but, till the traitor come, / The higgler's cottage be thy future home; / There with his ancient shrew and care abide, / And hide thy head, – thy shame thou canst not hide» [2. С. 22–23]. Если в оригинале Крабба имеется всего один сдержанный возглас мельника («Go!» («Иди!»)), то в русском переводе вся речь героя построена на эмоциональных возгласах, призванных акцентировать равнодушие отца к судьбе своей падшей и отверженной дочери: «Вон!» закричал отец: «Будь мною проклята! / Пусть поразят тебя позор и нищета! / Пусть детский плач и стыд падут тебе на долю / За то, что для любви мою отвергла волю! / Куда бежал злодей?» – «Мой Уилльям по морям / Пустился средств искать для пропитанья нам» / – «Пусть в век их не найдет! но до его возврата / Иди на край села к торговке – в дом разврата! / Там с старой ведьмою ты будешь в горе жить, / Там скроешь голову, стыда ж тебе не скрывать!» [4. С. 136]. Если английский поэт едва говорит об отверженности Люси, которой отныне предстоит жить в «доме торговки» («higgler's cottage»), то Мин усиливает мотив отверженности, вводя ряд дополнительных деталей: «дом торговки» оказывается расположенным «на краю села» и пользующимся репутацией «дома разврата».

Одиночество Люси, изгнанной из общества после рождения ребенка, показано Краббом через насмешливое чириканье воробьев и печальные вопли летучих мышей, причем поэт использовал настоящее время глаголов для того, чтобы добиться реальности изображаемого: «Where noisy sparrows, perch'd on penthouse near, / Chirp tuneless joy, and mock the frequent tear; / Bats on their webby wings in darkness move, / And feebly shriek their melancholy love» [2. С. 23]. Мин, напротив, излагает события в прошедшем времени, воспринимая

их как страничку ушедшей жизни и дополняя картину отдельными деталями, отсутствующими в английском первоисточнике (в частности, летучие мыши «с писком» проносятся «меж балок крыши», воробьи не насмеваются («тоск»), а смеются при виде слез девушки): «...на кровле воробьи, / Смеясь слезам ее, чирикали вдали. / И с писком жалобным, во мгле, меж балок крыши, / Порой летучие переносились мыши» [4. С. 137]. Если Крабб, описывая дальнейшие события, когда девушка, желая получить хоть какую-то помощь, вынуждена вновь обратиться к отцу, показывает, что мельник после падения дочери опускается и сам, лишается своей гордости (благосостояния), мотает деньги с любовницей («A mean seraglio there her father keeps, / Whose mirth insults her, as she stands and weeps; / And sees the plenty, while compell'd to stay, / Her father's pride, become his harlot's prey» [2. С. 23]), то Мин воспринимает поведение отца, проматывающего свое имущество, как своеобразную месть дочери, не заслужившей от него наследства: «Там гнусная сераль отцом заведена. / Он издевается над ней, когда она / Стоит и слезы льет и видит, как ей в мщенье / С своей наложницей мотает он именье» [4. С. 137].

На фоне истории дочери мельника последующие рассказы о крестьянских судьбах могут показаться не столь яркими и эмоциональными, в особенности это касается повествования о счастливой жизни бережливой пары – Роберта (Robert) и Сусанны (Susan). Эта рациональная пара жила только рассудком, не поддаваясь воле чувств, что доводило отношения до абсурда, особенно в той ситуации, когда Сусанна начинала размышлять, кому из женщин она могла бы передать мужа в случае своей смерти, а Роберт полушутя назначал ей мужа на случай своей кончины: «Susan could think, though not without a sigh, / If she were gone, who should her place supply; / And Robert, half in earnest, half in jest, / Talk of her spouse when he should be at rest» [2. С. 24] – «Сусанна (не без слез) могла подчас мечтать: / Кому, когда умрет, дом мужа передать; / А Роберт, с шуткою, иль не шутя, порою / Ей мужа назначал, чтоб ей не быть вдовою» [4. С. 137].

Описывая принципиальность Сусанны в сбережении накоплений, Крабб проводил четкую разделительную грань между городом с его «витриной магазина промышленных товаров» («draper's window») и деревней, привозившей на рынок «продукцию колеса и маслобойки» («produce of the wheel and churn»), причем для экономичной Сусанны предпочтительной была незатейливая «продукция колеса», тогда как городская витрина только лишь «задерживала взгляд» («lodging look») женщины: «If at the draper's window Susan cast / A lodging look, as with her goods she pass'd, / And, with the produce of the wheel and churn, / Bought her a Sunday-robe on her return; / True to her maxim, she would take no rest, / Till care repaid that portion to the chest» [2. С. 24]. При переводе Мин отошел от предложенного Краббом разграничения, – упоминая «окно швеи» и «торговок», он оставил действие в рамках сельского рынка, однако и там вместо «продукции колеса и маслобойки» на продажу были вынесены лишь «излишки льна», призванные привлечь внимание к крестьянскому ткацкому промыслу: «...и если на уборы / В окне швеи подчас заглядывали взоры / Сусанны молодой в то время, как она / На рынок вынесет свои излишки льна, / И если на пути возвратном у торговок / Накупит к

празднику каких-нибудь обновок, – / Не успокоится до той поры она, / Покуда в ящик долг не выплатит сполна» [4. С. 138].

При интерпретации стихов о бережном отношении Роберта к деньгам переводчик ушел от использования ничего не говорящего русскому читателю названия места «Whitsun» («Уитсан»), где проводилась ярмарка, и заменил «амбар» («barn»), где работал крестьянин, на «гумно»: «Or if, when loitering at the Whitsun-fair, / Her Robert spent some idle shillings there; / Up at the barn, before the break of day, / He made his labour for th' indulgence pay» [2. С. 24] – «И Роберт, если он с друзьями в шумном пире / Истратил лишний пенс на ярмарке в трактире, – / Глядишь, уж он чуть свет потеет на гумне, / Чтоб пенс издержанный был выплачен вполне» [4. С. 138]. Мин несколько гиперболизировал рачительность Роберта: если в английском оригинале для него являлась существенной выплата нескольких шиллингов, каждый из которых равен двенадцати пенсам, то в русском переводе его беспокоил каждый истраченный пенс.

Неоднократно упоминаемая в поэме Крабба «мудрая бережливость» («wise frugality») Роберта и Сусанны возводилась в ранг добродетели, поскольку это не убогая скупость, сводящая жизнь к экономии, а рациональная экономия во имя самой жизни: «Yet in that plenty, in that welcome free, / There was the guiding nice frugality, / That, in the festal as the frugal day, / Has, in a different mode, a sovereign sway; / As tides the same attractive influence know, / In the least ebb and in their proudest flow; / The wise frugality, that does not give / A life to saving, but that saves to live; / Sparing, not pinching, mindful though not mean, / O'er all presiding, yet in nothing seen» [2. С. 25]. Основная мысль оригинала, позитивно характеризовавшего «дух бережливости разумной и завидной», была передана Мином близко к подлиннику, в числе прочего были сохранены и меткое сравнение воздержанности с приливами и отливами моря, и идея достижения лучшей жизни посредством «повсюду разлитой» бережливости, хотя неудачно использованная переводчиком лексема «копить», выбиваясь из общей тональности описания, более напоминала о скупости, нежели об экономии, рационализации жизни: «Но в их радушии, в их пышности парадной / Везде был виден дух воздержанности отрадной, / Тот дух, которому и в будничные дни, / Как в праздники, всегда послушливы они, / Как море одному покорствуется призыву, / Стремится ль на прилив, иль клонится к отливу, – / Тот дух воздержанности, что нам велит копить, / Не с тем, чтоб бедствовать, но с тем, чтоб лучше жить, – / Дух бережливости разумной и завидной, / Повсюду разлитой, хотя нигде невидной» [4. С. 138].

В целом Мин с большим мастерством и профессионализмом перевел сложнейшее произведение Крабба, этого, по словам А.В. Дружинина, «...Миериса и Говарда поэзии, христианина и утешителя меньших своих братьев, человека, сосредоточившего в своих вдохновениях все величие здоровой, хотя и суровой филантропии», «первого труженика на поприще сближения своей родной словесности с изображением действительной жизни» [6. С. 363]. Будучи профессиональным переводчиком, не занимавшимся оригинальным поэтическим творчеством, Мин практически полностью подчинил свою деятельность задаче максимально скрупулезного и точного воссоздания на русском языке особенностей английского оригинала. Перевод Мина с

большой долей объективности позволяет судить как о достоинствах «Приходских списков» Крабба, в числе которых стремление к объективности изображения жизни, преодоление пасторальных представлений о деревне, опора на личные наблюдения и впечатления, мастерское сочетание осуждения буйства неистовых страстей и сочувствия к грехопадению и страданию, – так и о недостатках краббовского произведения: излишней склонности автора к нравоучениям и морализаторству, неизменному акцентированию внимания на темных, мрачных сторонах жизни, сочетавшемся с отсутствием представления о возможных путях преодоления общественных пороков.

Литература

1. *Георг Крабб* / Пер. с рукописи З. Венгеровой // *Образование*. 1857. № 12. С. 81–87.
2. *Crabbe G. Selected Poems*. London: G.Cumberlege, 1946. 512 p.
3. *Мин Д.Е.* Приходские списки (Parish Register): Поэма Георга Крабба // *Русский вестник*. 1856. Т. 6, №12. С. 440–446.
4. *Мин Д.Е.* Приходские списки: Поэма Георга Крабба // *Русский вестник*. 1857. Т. 8, № 3. С. 134–142.
5. *Мин Д.Е.* Приходские списки: Поэма Георга Крабба // *Русский вестник*. 1860. Т. 30, № 1. С. 191–196.
6. *Дружинин А.В.* Собрание сочинений: В 8 т. СПб., 1865. Т. 4. 560 с.